

ВЫРАЖЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В СИТУАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНФЛИКТА

Е.Н. Горбачева, Н.Б. Дубенец

Астраханский государственный университет (Астрахань, Россия)

Аннотация: Статья посвящена изучению способов выражения обвинения в американском дипломатическом дискурсе. Материалом исследования послужили тексты выступлений дипломатических представителей США Никки Хейли, Джонатана Коэна и Рекса Тиллерсона с января 2018 года по февраль 2019 года. Используются методы интроспекции, дескриптивного и интерпретативного анализа. Выявляется, что обвинение в исследуемом дискурсе может манифестировать международный конфликт и служить орудием информационно-психологической войны, поскольку, выступая с позиции обвинителя или субъекта осуждения, американский дипломат дискредитирует объект обвинения в глазах мирового сообщества и одновременно утверждает превосходство над ним своего государства и его сторонников в обвинительном акте. Выделяются и анализируются два уровня реализации обвинения – стратегический и когнитивный. Отмечается, что на стратегическом уровне обвинение реализуется посредством соответствующего речевого акта либо сопутствующего ему речевого акта осуждения, причем обвинение выражается имплицитно, а осуждение может быть как эксплицитным, так и имплицитным. Показано, что на когнитивном уровне актуализируются концептуальные признаки обвинения: приписываемое объекту обвинения состояние виновности, предмет, субъект и объект обвинения, жертва преступления / правонарушения, наказание, оценка приписываемого преступления / правонарушения со стороны обвинителя.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, обвинение, осуждение, конфликт, концептуальный признак.

Сведения об авторах:

Горбачева Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии

Дубенец Нина Борисовна, аспирант кафедры английской филологии

Контактная информация:

Почтовый адрес: 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20 А

E-mail: elen-gorbachyova@yandex.ru

E-mail: dubenetsnb@mail.ru

Введение

С точки зрения происходящих в современном мире событий, а именно: нарастания неопределенности в международных отношениях, постоянно возникающего столкновения интересов разных государств вследствие изменяющегося соотношения сил между ними в условиях формирования нового миропорядка, стремления ряда государств активно использовать стратегию расширения внешнеэкономического взаимодействия с другими странами и связанных с этим рисков [Коновалова 2018: 127; Ночвина 2018: 115], актуальным представляется изучение вербального выражения конфликта в дипломатическом дискурсе.

На первый взгляд, такая постановка проблемы кажется парадоксальной, поскольку дипломатию называют мирной альтернативой агрессии [Codevilla 2008], мягким способом решения конфликта [Gallage 2012], а «суть дипломатии состоит в том, чтобы не допустить эскалации внешнеполитического конфликта и его перерастания в активные боевые действия» [История дипломатии 2005: 5]. Более того, основными целями дипломатического дискурса считаются «сотрудничество, поиск согласия и совпадающих интересов с зарубежными странами, содействие позитивному восприятию государства в мире» [Кожетева 2012: 11]; «предотвращение вооруженного конфликта (войны) и укрепление мира» [Вебер 2004: 7]. Несмотря на это, речь дипломатов может носить агональный характер, манифестируя начинающийся или продолжающийся международный конфликт.

Как отмечает А.В. Манойло, в современной теории международных отношений конфликт воспринимается не как аномалия, а как одна из форм взаимодействия акторов, приводящая к обновлению политической картины мира [Манойло 2013: 139]. З.М. Курбонова рассматривает международный конфликт как разновидность международных отношений, в которые вступают государства на почве противоречивых интересов [Курбонова 2017: 19].

На дискурсивном уровне прагматика конфликта выражается в речевых актах агональности, отличающихся экспрессивностью и агрессией, например, в высказываниях, содержащих упрек, угрозу, критику, обвинения и вердикты, категоричные требования и призывы [Блох, Алёшина 2015: 76].

В рамках данной статьи мы рассматриваем речевой акт «обвинение» на материале англоязычных текстов выступлений Постоянного представителя США при ООН с января 2017 г. Никки Хейли и исполняющего обязанности Постоянного представителя США при ООН с января 2019 г. Джонатана Коэна на заседаниях Совета Безопасности ООН, а также Рекса Тиллерсона, государственного секретаря США с 1 февраля 2017 года по 31 марта 2018 г., на Международной встрече в Париже по вопросам запрета использования химического оружия 23 января 2018 г.

В дипломатическом дискурсе следует выделять два уровня реализации обвинения – стратегический и когнитивный.

На стратегическом уровне обвинение реализуется посредством соответствующего речевого акта либо сопутствующего ему речевого акта «осуждение». С.Е. Тупикова относит оба речевых акта к оценочным актам конфликтного общения, репрезентирующим конфликтную тональность [Тупикова 2015: 98]. Т.В. Дубровская, подчеркивая в целом жанровое сходство осуждения и обвинения по таким параметрам, как ситуация, мотивы, объекты, эмоциональные и статусные характеристики субъекта оценки, в то же время отмечает различие между ними, состоящее в том, что осуждение несет в себе отрицательную оценку ситуации, истинность которой не подвергается сомнению, а обвинение приписывает объекту оценки совершение отрицательно оцениваемого действия [Дубровская 2003].

Представление результатов

В изученном нами материале обвинение и осуждение используются как отдельные речевые акты либо сочетаются в общем высказывании с обвинительной иллокуцией. Рассмотрим примеры из выступления Никки Хейли от 9 апреля 2018 г., в котором Сирия в лице ее президента Башара Асада обвиняется в использовании химического оружия в сирийском городе Дума 7 апреля 2018 г.:

(1) *We are quick to condemn chemical weapons in the Security Council, but then Russia prevents any action, vetoing five resolutions on this issue alone.* (<http://usun.state.gov>). / Мы быстро осуждаем применение химического оружия в Совете Безопасности, но затем Россия предотвращает любые меры: только по этому вопросу она наложил вето на пять резолюций.

(2) *Chemical weapons have once again been used on Syrian men, women, and children.* (<http://usun.state.gov>). / Химическое оружие в очередной раз было применено против сирийских мужчин, женщин и детей.

(3) *Since the Assad regime used chemical weapons at Khan Sheikhun one year ago, chemical weapons have been reportedly used dozens of times.* (<http://usun.state.gov>). / С тех пор как режим Асада применил химическое оружие в Хан-Шейхуне год назад, согласно сообщениям, химическое оружие использовалось десятки раз.

В примере (1) речевой акт «осуждение» выражен эксплицитно, посредством перформативного глагола “to condemn”. Примеры (2) и (3) представляют собой имплицитные обвинения, а именно в виде утверждений преподносится неопределенная информация с элементом преувеличения (“dozens of times”) как неоспоримый факт совершения Сирией химических атак. Отсутствие конкретных фактов, доказывающих вину Асада, в приведенных высказываниях компенсируется их эмоциональной насыщенностью, создаваемой с помощью восходящей градации (*men, women, and children*) и хиазма (*Since the Assad regime used chemical weapons...chemical weapons have been reportedly used*).

(4) *Ambulances and rescue vehicles have been repeatedly attacked, maximizing the number of dead civilians. Civil defense centers have been attacked in order to paralyze the medical response – to increase the suffering of the survivors.* (<http://usun.state.gov>). / Машины скорой помощи и спасательные транспортные средства вновь и вновь подвергаются нападениям, что способствует максимизации числа погибших мирных жителей. Осуществляются атаки на центры гражданской обороны с целью парализации медицинского реагирования—для увеличения страданий выживших.

В примере (4) в равной степени выражаются иллокуции обвинения и осуждения: маркером обвинения является повтор лексемы – обозначения преступного действия “to attack”; осуждение маркируется метафорой “to paralyze the medical response” и выражениями, передающими семантику возрастания негативного эффекта от совершенного преступления (“maximizing the number of dead civilians”, “to increase the suffering of the survivors”).

(5) *Who does this? Only a monster does this. Only a monster targets civilians and then ensures that there are no ambulances to transfer the wounded. No hospitals*

to save their lives. No doctors or medicine to ease their pain. (<http://usun.state.gov>). / *Кто так поступает? Так поступает только чудовище. Только чудовище наносит удары по гражданским лицам, а затем обеспечивает, чтобы не было машин скорой помощи для перевозки раненых. Чтобы не было больниц, где им могли бы спасти жизнь. Чтобы не было врачей и лекарств, которые могли бы облегчить их боль.*

Пример (5) представляет собой имплицитное осуждение, негативная оценочность в котором создается посредством повтора лексемы “monster”, а крайне высокая степень эмоциональности достигается за счет синтаксического параллелизма и парцелляции (*...there are no ambulances to transfer the wounded. No hospitals to save their lives. No doctors or medicine to ease their pain*).

На наш взгляд, обвинение в дипломатическом дискурсе фактуализирует, с одной стороны, имеющиеся противоречия между странами, отсутствие или недостаток взаимопонимания, а с другой - негативные образы одних стран и превосходство над ними других, что позволяет данному речевому акту служить своеобразным орудием информационно-психологической войны.

Рассмотрим отрывок из речи государственного секретаря США Рекса Тиллерсона на Международной встрече в Париже по вопросам запрета использования химического оружия 23 января 2018 г. Выступление посвящено рассмотрению ответственности России за продолжающееся использование химического оружия в Сирии (Secretary of State Rex Tillerson on Russia's Responsibility for the Ongoing Use of Chemical Weapons in Syria):

(6) *Only yesterday, more than 20 civilians, mostly children, were victims of an apparent chlorine gas attack. <...> Whoever conducted the attacks, Russia ultimately bears responsibility for the victims in East Ghouta and countless other Syrians targeted with chemical weapons since Russia became involved in Syria. <...> There is simply no denying that Russia, by shielding its Syrian ally, has breached its commitments to the US as a framework guarantor of the destruction of Syria's chemical weapons stockpiles.* (<http://ru.usembassy.gov>). / *Только вчера жертвами очевидной атаки с применением газообразного хлора стали более 20 мирных жителей, большинство из которых дети. <...> Кто бы ни совершал эти атаки, Россия, в конечном счете, несет ответственность за жертвы в Восточной Гуте и бесчисленные жертвы среди сирийцев, проживающих в других регионах страны, которые подверглись химическим атакам с того момента, как Россия включилась в ситуацию в Сирии. <...> Нет сомнения в том, что, защищая своего сирийского союзника, Россия нарушила свои обязательства перед Соединенными Штатами как гаранта рамочной договоренности.*

В примере (6) американская сторона, по сути, обвиняет Россию в соучастии в преступлениях. Приводимая фактуальная информация, актуализирующая обвинение (*Only yesterday, more than 20 civilians, mostly children, were victims of an apparent chlorine gas attack*), подкрепляется импрессивной информацией, содержащей негативную оценку происходящего и маркирующей речевой акт «осуждение» (*There is simply no denying that Russia, by shielding its Syrian ally...*). Эпитет “countless” подчеркивает масштабность

данного преступления и его бесчеловечность, а эпитет “ultimately” усиливает впечатление виновности России в этих «зверствах».

Выступая с позиции обвинителя или субъекта осуждения, американский дипломат дискредитирует объект обвинения / осуждения (в данном случае – Россию) в глазах мирового сообщества и одновременно утверждает превосходство над ним своего государства и его сторонников в обвинительном акте.

Реализация обвинения на когнитивном уровне подразумевает актуализацию его концептуальных признаков: процесс предъявления обвинения, предмет, субъект и объект обвинения, жертва преступления / правонарушения, субъекты и способы наказания, оценка приписываемого преступления / правонарушения со стороны предъявителя обвинения [Горбачева 2017].

В проанализированном нами материале были выявлены лексемы, обозначающие не *процесс обвинения*, а приписываемое объекту обвинения состояние виновности, как в примерах (7) и (8):

(7) *The Syrians' and Russians' lies only reveal Assad's **guilt**.* (<http://usun.state.gov>). / *Ложь сирийцев и русских лишь показывает вину Асада.* (Из речи Никки Хейли от 6 сентября 2018 г.).

(8) *There is clear information demonstrating Assad's **culpability**.* (<http://usun.state.gov>). / *Есть четкая информация, демонстрирующая виновность Асада.* (Из речи Никки Хейли от 14 апреля 2018 г.)

В ряде речей, как было ранее упомянуто, употребляется перформативный глагол “to condemn” либо словосочетание с производным существительным, как в нижеследующем примере, для выражения прямого осуждения, являющегося официальной реакцией государства на тот или иной прецедент:

(9) *As we have previously, the United States **expresses its unequivocal condemnation** of the use of chemical weapons, in Salisbury or anywhere else. We stand firm in defense of the international norm against the use of these horrific weapons. And we stand firm with the British people.* (<http://usun.state.gov>). / *Как и ранее, Соединенные Штаты выражают свое безоговорочное осуждение применения химического оружия в Солсбери или где бы то ни было еще. Мы твердо отстаиваем международную норму против применения этого ужасающего оружия. И мы твердо поддерживаем британский народ.* (Из речи Никки Хейли от 6 сентября 2018 г.).

Официальный акт осуждения России за приписываемый ей инцидент с использованием нервно-паралитического вещества против Сергея и Юлии Скрипаль в британском городе Солсбери 4 марта 2018 года подкрепляется в примере (9) аргументом о приверженности США нормам международного права и поддержке британского народа.

Предметом обвинения в дипломатическом дискурсе, как правило, является нарушение другим государством международного права либо заключенных договоренностей:

(10) *Mr. President, Russia called today's meeting to discuss the Minsk agreements. This is ironic given that Russia **has clearly failed to honor and***

implement the Minsk agreements. <...> Russia has flouted its commitments from the very beginning from the establishment of the agreements, using the military forces under its control to capture new territory. While Russia has ignored or undermined the Minsk agreements, Ukraine, France, Germany and the United States remain committed to supporting their full implementation. (<http://usun.state.gov>). / Господин Президент, Россия созвала сегодняшнюю встречу для обсуждения минских договоренностей. Это иронично, учитывая, что Россия явно не соблюдала и не выполняла Минские соглашения. < ... > Россия с самого начала нарушала свои обязательства с момента заключения соглашений, используя подконтрольные ей вооруженные силы для захвата новых территорий. Хотя Россия проигнорировала или подорвала Минские соглашения, Украина, Франция, Германия и Соединенные Штаты по-прежнему привержены поддержке их полного осуществления (Из речи Джонатана Коэна от 12 февраля 2019 г.).

Как видно из примера (10), вменяемое в вину России нарушение минских договоренностей является основным предметом обвинения, прозвучавшего в адрес России в речи Джонатана Коэна на заседании Совета Безопасности по ситуации в Украине. Сочетание официальной лексики (“the Minsk agreements”, “to implement”, “implementation”, “commitments”, “to remain committed”, “establishment”, “military forces”) и слов с оценочной коннотацией (“to flout” – «презирать, попирать»; “to capture” – «захватить, завладеть; взять в плен»; “to undermine” – «подрывать, минировать, расшатывать, разрушать»), а также использование восходящей градации при подаче информации о «виновности» России придают обвинительному акту убедительность и делают его эмоционально-насыщенным.

В речах американских дипломатов, посвященных сирийской проблеме, предметом обвинения являются различные преступления против населения Сирии, приписываемые сирийскому президенту:

(11) *People who are the very definition of innocent and non-threatening – women and children hiding in basements from a renewed assault by Bashar Al-Assad.* (<http://usun.state.gov>). / Люди, которые по определению являются невинными и безвредными -женщины и дети, скрывающиеся в подвалах от нового нападения Башара Асада. (Из речи Никки Хейли от 9 апреля 2018 г.).

(12) *The Assad regime keeps dropping chlorine bombs on innocent men, women, and children. Just these past few weeks, when the regime seized eastern Ghouta, there were credible reports of chlorine gas attacks.* (<http://usun.state.gov>). / Режим Асада продолжает сбрасывать хлорные бомбы на невинных мужчин, женщин и детей. Только за последние несколько недель, когда режим захватил восточную Гуту, были достоверные сообщения об атаках с использованием хлорного газа (Из речи Никки Хейли от 4 апреля 2018 г.).

Высказывания в примерах (11) и (12) обладают большим воздействующим потенциалом за счет актуализируемой в них концептуальной диады «преступник – невинные жертвы».

Субъектом обвинений в исследованном материале является американская сторона, выступающая от лица всей страны (пример 13), администрации президента либо всего мирового сообщества (пример 14):

(13) *Mr. President, the United States reiterates our strong condemnation of Russia's destabilizing actions in Ukraine.* (<http://usun.state.gov>). / *Господин Президент, Соединенные Штаты вновь решительно осуждают дестабилизирующие действия России на Украине.* (Из речи Джонатана Коэна от 30 октября 2018 г.)

(14) *The Trump Administration and the international community have made it clear that there is no military solution to the Syrian conflict. Assad's brutal regime – backed by Russia and Iran – cannot continue to attack and terrorize Syria's citizens.* (<http://usun.state.gov>). / *Администрация Трампа и международное сообщество дали понять, что военного решения сирийского конфликта нет. Жестокий режим Асада, поддерживаемый Россией и Ираном, не может продолжать нападать на граждан Сирии и терроризировать их.* (Из речи Никки Хейли от 5 сентября 2018 г.).

Использование в качестве обозначений субъекта обвинения собирательных существительных (“administration”, “community”) и имени собственного “the United States” в метонимическом значении придает обвинениям масштабность, а самому субъекту – авторитетность, компенсируя отсутствие в речах дипломатов фактов, способных служить доказательством вменяемой объекту вины.

При обозначении *объекта обвинения* в исследуемом материале, как правило, используются имена собственные в метонимическом значении (пример 15) либо собирательные существительные (примеры 16 и 17):

(15) *We've heard a lot of talk today. But we haven't seen any actions to indicate that Russia, Iran, and Assad are interested in a political solution.* (<http://usun.state.gov>). / *Сегодня мы слышали много разговоров. Но мы не видели никаких действий, указывающих на то, что Россия, Иран и Асад заинтересованы в политическом решении.* (Из речи Никки Хейли от 11 сентября 2018 г.).

(16) *The governments in places like Venezuela and Iran don't exist to serve their people and happen to do a little corruption on the side.* (<http://usun.state.gov>). / *Правительства в таких странах, как Венесуэла и Иран, существуют не для того, чтобы служить своему народу, а для того, чтобы заниматься коррупцией на стороне.* (Из речи Никки Хейли от 10 сентября 2018 г.).

(17) *The recent attacks in East Ghouta raise serious concerns that Bashar al-Assad's Syrian regime may be continuing its use of chemical weapons against its own people.* (<http://ru.usembassy.gov>). / *Недавние атаки в Восточной Гуте вызывают серьезную озабоченность в связи с тем, что сирийский режим Башара Асада, возможно, продолжает применять химическое оружие против собственного народа.* (Из речи Рекса Тиллерсона от 23 января 2018 г.).

В примере (18) обозначение объекта обвинения “his Russian friends” получает ироническую окраску, поскольку в языке дипломатии в подобных случаях для сохранения официальной тональности заявления обычно используются слова “partners” или “allies”:

(18) *There can only be two purposes for these delaying tactics, neither of which speak well of the motives of Assad and his Russian friends.* (<http://usun.state.gov>). /

Для этой тактики проволочек возможны только две причины, ни одна из которых не характеризует положительно мотивы Асада и его российских друзей. (Из речи Джонатана Коэна от 17 октября 2018 г.).

Поскольку преступления, приписываемые объекту обвинения, носят масштабный характер, то их **жертвы** обозначаются как целый народ или государство (пример 19):

(19) *We will continue to stand with **the people of Ukraine** against Russian aggression.* (<http://usun.state.gov>). / *Мы продолжим поддерживать народ Украины в борьбе против российской агрессии.* (Из речи Джонатана Коэна от 12 февраля 2019 г.).

В примере (20) обозначается как реальная жертва использования химического оружия в Сирии (“the Syrian people”), так и потенциальная (“us all”):

(20) *Even with all of the profound divisions on this Council, the United States refuses to believe that we cannot come together once again to stop chemical weapons. Not just to protect **the Syrian people**, but to protect **us all**.* (<http://usun.state.gov>). / *Даже при всех глубоких разногласиях в этом Совете Соединенные Штаты отказываются верить в то, что мы не можем вновь собраться вместе, чтобы остановить использование химического оружия. Не только для защиты сирийского народа, но и для защиты всех нас.* (Из речи Никки Хейли от 4 февраля 2018 г.).

Актуализация следующего концептуального признака обвинения – **наказание** – осуществляется в проанализированном нами материале как реализация угрозы наказания, составляющей часть ультиматума:

(21) *We consider any assault on Idlib to be a reckless escalation of the conflict. If Assad, Russia, and Iran continue down the path they are on, the consequences will be dire. The world will hold them responsible.* (<http://usun.state.gov>). / *Мы считаем любое нападение на Идлиб безрассудной эскалацией конфликта. Если Асад, Россия и Иран продолжат свой путь, последствия будут ужасными. Мир возложит на них ответственность.* (Из речи Никки Хейли от 11 сентября 2018 г.).

В примере (21) языковым выражением ультиматума является сложное предложение с придаточным условия.

(22) *Our Donbas-related sanctions will remain in place until Russia fully implements the Minsk agreements. Our Crimea related sanctions will also continue until Russia returns the peninsula to Ukrainian control.* (<http://usun.state.gov>). / *Наши санкции, связанные с Донбассом, останутся в силе, пока Россия полностью не выполнит Минские соглашения. Наши санкции, связанные с Крымом, также будут продолжены, пока Россия не вернет полуостров под контроль Украины.* (Из речи Джонатана Коэна от 12 февраля 2019 г.).

В примере (22) ультиматум выражен сложным предложением с придаточным времени; в качестве инструмента воздействия или устрашения упоминается один из способов так называемой «принудительной дипломатии» - санкции.

Однозначно отрицательная **оценка** приписываемых объекту обвинений со стороны обвинителя выражается посредством лексем с отрицательно-оценочным значением:

(23) *All we've seen are the actions of cowards interested in a bloody military conquest of Idlib. Turkey learned this lesson last week when they met with Russia and Iran. Turkey wanted them to agree to a ceasefire in Idlib. But Russia and Iran rejected Turkey's request. And the Assad regime continued its brutal attacks.* (<http://usun.state.gov>). / *Все, что мы видели, - это действия трусов, заинтересованных в кровавом военном завоевании Идлиба. Турция усвоила этот урок на прошлой неделе, когда встречалась с Россией и Ираном. Турция хотела, чтобы они согласились на прекращение огня в Идлибе. Но Россия и Иран отклонили просьбу Турции. И режим Асада продолжал свои жестокие атаки.* (Из речи Никки Хейли от 11 сентября 2018 г.).

В примере (23) лексема “coward” относится к пейоративной лексике, обозначая человека с отрицательно характеризуемым проявлением характера, эпитеты “bloody” и “brutal” передают семантику жестокости, а лексема “regime” имеет отрицательную коннотацию, имплицитно авторитарность в управлении государством: ср. *A government, especially an authoritarian one* / *Правительство, особенно авторитарное* [ODE].

Заключение

Итак, обвинение в адрес каких-либо государств в дипломатическом дискурсе может манифестировать начинающийся или уже имеющийся международный конфликт. В американском дипломатическом дискурсе на стратегическом уровне обвинение реализуется посредством соответствующего имплицитно выраженного речевого акта либо сопутствующего ему речевого акта «осуждение», который может быть выражен как эксплицитно, так и имплицитно. Фактуализируя, с одной стороны, имеющиеся противоречия между странами, а с другой - негативные образы одних стран и превосходство над ними других, обвинение служит своеобразным орудием информационно-психологической войны в рамках американского дипломатического дискурса. Реализация обвинения на когнитивном уровне в исследуемом дискурсе есть не что иное, как актуализация его концептуальных признаков.

Список литературы

Блох М.Я., Алёшина Е.Ю. Дискурсивное выражение стратегии устрашения в политическом тексте конфликтной ситуации (на материале английского языка) // Политическая лингвистика. 2015. №2 (52). С. 75-79.

Вебер Е.А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе: автореф. ...канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 19 с.

Горбачева Е.Н. Обвинение как коммуникативный поступок в современной информационной войне (на материале англоязычного медийно-политического антироссийского дискурса) // Политическая лингвистика. 2017. №2 (62). С. 27-33.

Дубровская Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении: дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 233 с.

История дипломатии / Сост. А. Лактионов. М.: АСТ, 2005. 943 с.

Кожетева А.С. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса: на материале вербальных нот: дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. 193 с.

Коновалова Н.А. Внешняя политика России в рамках современной международной системы // Россия и мир в XXI веке. 2018. №1. С. 126-138.

Курбонова З.М. Международный конфликт как феномен политических отношений // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2017. №1. С. 18-21.

Манойло А.В. Урегулирование и разрешение международных конфликтов // Мир и политика. 2013. №10. С. 130-140.

Ночвина Б.А. Проблема стратегии внешнеполитического сотрудничества ФРГ и КНР в условиях формирования нового мирового порядка // Власть. 2018. №2. С. 113-117.

Тупикова С.И. Способы реализации конфликтной тональности на примере речевых актов «осуждение» и «обвинение» // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. Белгород, 2015. Часть IV. С. 97-102.

Codevilla A.M. Tools of Statecraft: Diplomacy and War, 2008, URL: <http://www.fpri.org> (дата обращения: 18.03.2019).

Gallage H. Diplomacy: A Tool of Small State Foreign Policy Conduct [Diplomatic Theory and Practice], 2012. URL: <http://www.academia.edu> (дата обращения: 18.03.2019).

Oxford Dictionary of English, (ODE). URL: <http://www.en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 12.03.2019).

References

Blokh, M.Y., Aleshina, E.Y. (2015), Diskursivnoye vyrazheniye strategii ustrasheniya v politicheskom tekste konfliktnoy situatsii (na materiale angliyskogo yazyka) [Discursive expression of the strategy of intimidation in a political text of a conflict situation (based on the English language)]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]*, no. 2 (52), pp. 75-79. (in Russian)

Codevilla, A.M. (2008), Tools of Statecraft: Diplomacy and War, available at: <http://www.fpri.org> (accessed date: March 18, 2019).

Gallage, H. (2012), Diplomacy: A Tool of Small State Foreign Policy Conduct [Diplomatic Theory and Practice], available at: <http://www.academia.edu> (accessed date: March 18, 2019).

Gorbacheva, E.N. (2017), Obviniye kak kommunikativny postupok v sovremennoy informatsionnoy voyne (na materiale angloyazychnogo mediynopoliticheskogo antirossiyskogo diskursa) [Accusation as a communicative deed in the current information warfare (based on the English political media anti-Russian discourse)]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]*, no. 2 (62), pp. 27-33. (in Russian)

Dubrovskaya, T.V. (2003), *Rechevye zhanry “osuzhdeniye” i “obvineniye” v russkom i angliyskom rechevom obshchenii* [Speech zhanres “condemnation” and “accusation” in the Russian and English communication], Dissertation, Saratov, 233 p. (in Russian)

Istoriya diplomatii [The history of diplomacy], (2005), Moscow, ACT Publ., 943 p. (in Russian)

Konovalova, N.A. (2018), *Vneshnyaya politika Rossii v ramkakh sovremennoy mezhdunarodnoy sistemy* [Russia's foreign policy within the modern international system]. *Rossiya i mir v XXI veke* [Russia and the world in the XXI century], no. 1, pp. 126-138. (in Russian)

Kozheteva, A.S., (2012), *Lingvopragmaticheskiye kharakteristiki diplomaticheskogo diskursa: na materiale verbal'nykh not* [Linguo-pragmatic characteristics of diplomatic discourse: based on verbal notes], Dissertation, Moscow, 193 p. (in Russian)

Kurbonova, Z.M. (2017), *Mezhdunarodny konflikt kak fenomen politicheskikh otnosheniy* [International conflict as a phenomenon of political relations]. *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo* [Actual issues of modern science and society], no. 1, pp. 18-21. (in Russian)

Manoylo, A.V. (2013), *Uregulirovaniye i razresheniye mezhdunarodnykh konfliktov* [Settlement and resolution of international conflicts]. *Mir i politika* [The world and politics], no. 10, pp. 130-140. (in Russian)

Nochvina, B.A. (2018), *Problema strategii vneshnepoliticheskogo sotrudnichestva FRG i KNR v uslobiyakh formirovaniya novogo miroporyadka* [The problem of the strategy of foreign policy cooperation between Germany and China in the formation of a new world order]. *Vlast'* [Power], no. 2, pp. 113-117. (in Russian)

Oxford Dictionary of English, (ODE), available at: <http://www.en.oxforddictionaries.com> (accessed date: March 12, 2019).

Tupikiva, S.I. *Sposoby realizatsii konfliktnoy tonal'nosti na primere rechevykh aktov “osuzhdeniye” i “obvineniye”* [The means of implementation of the conflict tone on the example of speech acts “condemnation” and “accusation”]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoy nauki* [Theoretical and applied aspects of modern science], Belgorod, Part 4, pp. 97-102. (in Russian)

Veber, E.A. (2004), *Opyt lingvisticheskogo issledovaniya kognitivnogo dissonansa v angliyskom diplomaticheskom diskurse* [Experience of linguistic research of cognitive dissonance in the English diplomatic discourse], Abstract of dissertation, Irkutsk, 19 p. (in Russian)

EXPRESSION OF ACCUSATION IN THE AMERICAN DIPLOMATIC DISCOURSE IN THE SITUATION OF AN INTERNATIONAL CONFLICT

E.N. Gorbacheva, N.B. Dubenets
Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Abstract: The article is devoted to the study of the means of expressing accusations in the American diplomatic discourse. As the material of the study there served the texts of the speeches of US diplomatic representatives Nikki Haley, Jonathan Cohen and Rex Tillerson from January 2018 to February 2019. The methods of introspection, descriptive and interpretative analysis are used. It is revealed that the accusation in the studied discourse can manifest an international conflict and serve as an instrument of information and psychological war, because, speaking from the position of the accuser or the addresser of condemnation, American diplomats discredit the object of the accusation in the eyes of the world community and at the same time claims the superiority over this object of their state and their supporters in the act of accusation. There are identified and analyzed two-level implementation accusations – strategic and cognitive. It is noted that at the strategic level, the accusation is realized by means of an appropriate speech act or an accompanying speech act of condemnation; the accusation is expressed implicitly, while the condemnation can be both explicit and implicit. It is shown that at the cognitive level there are actualized conceptual signs of the accusation: the state of guiltiness attributed to the object of accusation, the subject, the addresser and object of the accusation, the victim of a crime / offense, the sentence, the evaluation of the crime / offense on the part of the accuser.

Key words: diplomatic discourse, accusation, condemnation, conflict, conceptual sign.

About the authors:

Gorbacheva Elena Nikolaevna, Prof., Professor of the Chair of English Philology

Dubenets Nina Borisovna, postgraduate student of the Chair of English Philology

Corresponding authors:

Postal address: 20A, Tatishcheva ul., Astrakhan, 414056, Russia

E-mail: elen-gorbachyova@yandex.ru

E-mail: dubenetsnb@mail.ru